

ОБРАЗ «ЧУЖОГО» НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ¹

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, 20а.
E-mail: aromanova_mail@mail.ru.

Отношение к Чужому, основные характеристики его образа являются важными маркерами уровня социальной организации и состояния любого общества. Образ Чужого включен не просто в бинарную оппозицию «Свой – Чужой», он встраивается в систему образов «Свой – Другой – Чужой – Враг – Монстр». Эта система может выступать осью координат анализа культурного и социально-политического ландшафта эпохи, страны в целом или отдельного региона. Целью статьи является выявление характера изменения образа Чужого в предлагаемой оси координат при переходе от советского общества к постсоветскому. Основной методологией исследования является сравнительный анализ основных характеристик образа Чужого в советской публичной сфере и в постсоветских СМИ. На постсоветском пространстве изменяются основные параметры и объемы шкалы образов «Свой – Монстр», идеологический кливаж между Своим и Чужим замещается этническим и религиозным разломом. Сделан анализ путей и механизмов трансформации образа Своего, характерного для советской идеологии, в постсоциалистического Чужого через дегуманизацию и демонизацию. В процессе демонизации с опорой на бессознательные архаические архетипы конструируется образ Чужого как монстра. При этом все базовые культурные маркеры Чужого (вестиментарные и алиментарные отличия, язык, внешний вид, конфессиональная принадлежность и т.д.) доводятся до гротеска для оправдания негативного отношения к бывшему Своему, а ныне Чужому – мигранту, гастарбайтеру, гражданину соседнего государства.

Ключевые слова: Свой, Чужой, Монстр, постсоветское пространство, демонизация, идентификационные маркеры

THE IMAGE OF “ALIEN” AT THE POST-SOVIET SPACE

Romanova Anna P., D.Sc. (Philosophy), Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: aromanova_mail@mail.ru.

The attitude to the Alien and the main characteristics of its image are important markers of the level of social organization and condition of any society. The Alien image was included not only into binary opposition “Own – Alien”, it builds the system of images “Own – Different – Alien – Enemy – Monster”. The system may be a coordinate axis of the analysis of cultural and socio-political landscape of the Era, the country as a whole or a particular region. The objective of the article is to identify the nature of the Alien image transformation in the proposed axis during the transition period from the Soviet to Post-Soviet society. The main methodology of the research is a comparative analysis of the main characteristics of the Alien image in the Post-Soviet public sphere and Post-Soviet Media. The main parameters and the volumes of the “Own – Monster” image scale are changed in the Post-Soviet space; the ideological cleavage between “the Own” and «the Alien» is replaced by the ethnic and religious split. The ways and mechanisms of “the Own” image transformation that characterizes the Soviet ideology into the Post-Socialist “Alien” through dehumanization and demonization are analyzed

¹ Работа выполнена по гранту РФНФ 15-03-00402 «Чужой / Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации» (The research is conducted with the financial support of Russian Foundation for Humanities. Project 15-33-11172a “Alien / Other in the changing world: from ontology to epistemological typology”).

in the article. In the process of demonization, relying on unconscious archaic archetypes, the "Alien" image like Monster is forming. In such a case, all basic cultural markers of "the Alien" (vestimentary and alimentary differences, language, appearance, religious affiliation, etc.) are brought to grotesque in order to justify the negative attitude towards the former "Own" image and now "the Alien" – a migrant, a guest worker and a citizen of a neighboring state.

Keywords: Own, Alien, Monster, Post-Soviet space, demonization, identification markers

Повышение интереса к теме Чужого в последнее время не случайно. О нем нам постоянно напоминают СМИ, художественная и публицистическая литература, кинематограф, а также наша повседневность. Даже еще вчера спокойная, политкорректная Европа начинает взрываться агрессивными демаршами против Чужого. Тема Чужого становится одним из главных сюжетов современности, разворачивающимся в двух плоскостях, как в объективной реальности, так и в плоскости рефлексии: философской, художественной, политической.

Отношение к Чужому, основные характеристики его образа являются важными маркерами уровня социальной организации и состояния любого общества. Проблема Другого / Чужого занимает важное место в философии Э. Гуссерля, Э. Левинаса, Ж.П. Сартра, П. Рикера, Б. Вальденфельса и др. Особое место ей отводится и в социологии. Этому посвящены работы Г. Зиммеля («Чужой», 1908 г.) и А. Шютца («Чужой», 1950 г.). Затрагивается проблематика Чужого / Другого и в работах постмодернистов и специалистов в области Cultural Studies, подробнее об этом написано в коллективной монографии «Чужой и культурная безопасность» [19].

Образ Чужого включен не просто в бинарную оппозицию «Свой – Чужой», он встраивается в систему образов «Свой – Другой – Чужой – Враг Монстр» [19, с. 8]. Эта система может выступать осью координат для анализа культурного и социально-политического ландшафта как страны в целом, так и отдельной эпохи. Отправной точкой на этой оси координат является образ Своего, включающий набор признаков, который может ситуативно меняться. Своим в той или иной ситуации может считаться родственник, друг, сосед, человек той же национальности, вероисповедания, цвета кожи, принадлежащий к одной институциональной структуре и т.д. На противоположном конце шкалы – образ Монстра как квинтэссенции всего негативного, агрессивного и иного. Центральным является образ Чужого, который уже по сути является Не-своим, иным, опасным, но пока не еще не квалифицирован как Враг и Монстр. В данной статье мы специально не касаемся образов Другого и Иного, об этом мы писали ранее [19]. Идентификация того или иного образа со Своим или выявление его места на шкале «Свой – Монстр» во многом объясняет характер специфических для него межкультурных коммуникаций.

Все встроенные в систему образы важны не только сами по себе, но и в их соотношении на оси координат. В данной статье мы рассматриваем характеристики образа Чужого прежде всего на постсоветском пространстве. Целью статьи является выявление характера изменения образа Чужого в предлагаемой оси координат при переходе от советского общества к постсоветскому.

Основной методологией исследования является сравнительный анализ базовых характеристик образа Чужого в советской публичной сфере и в постсоветских СМИ. Для анализа образа Чужого в советскую эпоху мы возьмем наиболее репрезентативные объекты – революционные стихи и плакаты, которые часто бывали объединены в единый блок и усиливали смысловую выразительность друг друга. В постперестроечную эпоху подобного рода прямая стилистика уже не использовалась, поэтому для анализа мы берем тексты СМИ и научные публикации. Изменение содержания образов мы будем анализировать по шкале понятий «Свой – Монстр».

До и После. Для Советского Союза на предложенной нами оси координат оппозиционный разлом (Свой – Не свой) шел не по национальному или государственному, а прежде всего по идеологическому кливажу (социалистический, советский / капиталистический, несветский). Свой – это прежде всего гражданин СССР, совет-

ский человек, включенный в социалистическую систему. Правда в данном случае необходимо учитывать, что понятие «советский человек» достаточно сложное и еще не вполне научно осмысленное. При идентификации Своего национальные или этнические маркеры не учитывались, конфессиональные вообще выносились за скобки. Верующий человек в принципе был Не-Свой, поскольку марксизм-ленинизм и «опиум народа» были несовместимы. Как Свой-Другой рассматривался представитель так называемого социалистического лагеря или развивающейся страны, которой на данный момент оказывалась братская помощь. Как Свой-Другой мог выступать и рабочий класс или представители компартии капиталистической страны.

Такой Свой-Другой обозначался еще термином «друг» в литературной и официальной лексике. Так, в весьма репрезентативном сборнике «Глазами иностранцев. 1917–1932», представляющем собой подборку публикаций «буржуазных» писателей и журналистов о советской России, предисловие М. Живова четко озаглавлено «Друзья и враги» [4]. В данном случае представители одного класса – капиталистов – в связи с принятием или непринятием коммунистической идеологической платформы входят либо в понятие Свой, либо сразу в понятие Враг.

В советскую эпоху Чужим являлся в первую очередь носитель капиталистической идеологии, как внутри страны (сначала «недобитое» дворянство и купцы, кулаки и «попы», позже «гнилая интеллигенция» и диссиденты), так и за рубежом. В большинстве случаев Чужой рассматривался как Враг, «буржуй», которого надо было победить. Шел активный процесс демонизации врага, представление его в виде Монстра, как в антропоморфном, так и тероморфном виде. Весьма репрезентативны в этом смысле советские плакаты и агитки первой половины XX в. Чужой как Монстр представлен там в виде чудовища, «гидры капитализма», дракона и прочей нечисти омерзительного вида [20]. Показательна и агитационная поэзия тех времен, где происходит демонизация ключевых фигур, так называемых Не Своих: например, кулака как демона царицы Тамары, паука (В. Маяковский), его оскаленная пасть Змея Горыныча (Демьян Бедный), буржуя как волка (В. Маяковского), волка в овечьей шкуре (Демьян Бедный) [21]. Конечно, с Чужим были и союзнические (Вторая мировая война) и экономические партнерские отношения. Но от этого он не становился Своим или хотя бы Другим, а продолжал оставаться Чужим. Только принятие социализма и марксистской идеологии превращало Чужого в Своего.

Посмотрим, что происходит с образом Чужого после перестройки и распада Советского Союза на постсоветском пространстве. Прежде всего изменяется характер кливажа, раскола. Он из идеологической плоскости смещается в культурно-национальную и религиозную. Сразу заметим, что мы анализируем в данном случае не изменение самого понятия «Чужой», хотя оно тоже может быть в принципе исторически и ситуативно конкретизировано, а изменение восприятия образа Чужого в постсоветском обществе.

Поскольку в данной статье мы говорим о восприятии Чужого на постсоветском пространстве, надо заметить, что до сих пор дискуссионным является вопрос о правомерности употребления этого термина. Впервые термин «постсоветское пространство» ввел А. Прозаускас, подразумевая под ним общность народов, объединенных единым советским прошлым [18]. Само «постсоветское пространство» на данный момент исследователями воспринимается неоднозначно. Ряд авторов считает, что его уже не существует (А. Малашенко, Л. Андрусенко, А. Суздальцев) [22], другие с ним прощаются (С. Маркедонов) [11], некоторые определяют его как единый регион «советской цивилизации», существующий и ныне [12]. Оперировать этим понятием и иностранные исследователи [25]. Проблемами постсоветского пространства занимается научное издание «Постсоветский материк».

Мы считаем правомерным использование термина «постсоветское пространство» в данной статье, поскольку используем его не в геополитическом, а в социокультурном смысле, и в таком варианте оно бесспорно существует и в настоящее время. Под постсоветским пространством мы понимаем те территории, тот культур-

ный ландшафт, который долгое время формировался под воздействием советской идеологии и на который общая история до сих пор оказывает влияние. В данном исследовании мы берем не постсоветскую Россию, а именно постсоветское пространство, поскольку анализируемый нами процесс трансформации втягивает в себя как непреходящих его участников, бывшие союзные республики.

Прежде всего, на постсоветском пространстве изменился культурный ландшафт, определяемый в рамках отношений «Свой – Чужой». С развалом социалистического лагеря сдвинулись пространственные координаты шкалы «Свой – Монстр». Если в достаточно закрытом пространстве СССР Свои были локализованы прежде всего в пределах системы, а Чужие являлись «миром, лежащим по ту сторону границы» [10], прежде всего границы мировоззренческой, то на постсоветском пространстве происходит смещение, приводящее к «не поддающемуся разграничению восприятия транскультурных “Других” в собственной жизни» [1, с. 29]. Чужие становятся частью повседневности, особенно в связи с миграционными процессами, академической мобильностью и глобальным туризмом.

На постсоветском пространстве уменьшается прежде всего объем понятия «Свой» и увеличивается объем понятия «Чужой». Все представители бывших социалистических республик постепенно на шкале «Свой – Монстр» перетекали в разряд Чужих, а представители так называемого капиталистического лагеря в разряд своих явно не попадают.

В содержательном смысле понятия «Свой» и «Чужой» становятся более размытыми. Уходя, четкие идеологические социалистические установки СССР оставили после себя невнятицу локальных, этнических, групповых, гендерных, сетевых и прочих Своих, не имеющих подчас четких контуров и ориентиров, обоснованной идеологической характеристики. Этнические и конфессиональные Другие при активном вмешательстве СМИ превращаются в Чужих и эти маркеры становятся главными.

На постсоветском пространстве происходит дегуманизация трансформированного образа Чужого, бывшего Своего прежде всего в политической сфере, поскольку «в периоды социально-политических кризисов, сопровождающихся anomией, наблюдается приобретение собственной идентичности за счет постулирования отрицательного “Другого”» [14, с. 122]. На официальном уровне, в ряде случаев даже на уровне губернаторов, шла фильтрация населения на Своих и Чужих [16, с. 121].

Фокус дискурса о Чужом сосредотачивается на мигранте-гастарбайтере, поскольку именно он превращается в главного Чужого.

Процесс дегуманизации образа Чужого как мигранта-гастарбайтера отягощен системой уничижительных характеристик. Причем это характерно не только для постсоветского пространства. В мировом кинематографе гастарбайтер выступает в различных ипостасях (трудяга, бедолага, бунтарь, мафиози, жертва и т.д.), но основная его характеристика – раб, недочеловек, функция. По отношению к нему не может быть никаких обязательств, поскольку он «не член общества. Ты – приставка к нему, дополнительное устройство, переносная флэшка. Которая однажды будет безопасно удалена. По крайней мере – безопасно для общества» [5]. Тому ярким подтверждением является скандально известный петербургский «Справочник трудового мигранта», где они представлены в форме рабочих инструментов [2]. Но в образе гастарбайтера – раба, жертвы – потенциально заложены характеристики бунтаря и мафиози, которые могут реализоваться при определенных обстоятельствах. Поэтому на постсоветском пространстве лексика СМИ отягощается милитарными метафорами применительно к мигрантам: «орда», «армия», «легионеры», «гунны», «чингиз-ханы» [3, с. 30]. Фреймовый анализ лексики, проведенный филологами, показывает, что произошел сдвиг на шкале понятий от Чужого к Врагу [3, с. 28], следовательно, от работника и жертвы к агрессору.

Процесс дегуманизации отягощен еще одним атрибутом конструирования образа Чужого – демонизацией. Процесс демонизации на постсоветском пространстве представляет собой превращение бывшего Своего не просто в Чужого, Врага, а в

Монстра. Демонизация Чужого легализует и подчас пытается оправдать весь негатив, который выливается на объект демонизации. Для постсоветского пространства наиболее показателен процесс, связанный с демонизацией бывших Своих, ныне превратившихся в мигрантов-гастарбайтеров [24]. Процесс этот легализуется через СМИ. Демонизация опирается на бессознательные архаические архетипы монстров, используя все культурные маркеры Чужого (вестиментарные и алиментарные отличия, запахи, внешние отклонения и т.д.), рисуя образ Монстра-мигранта который «съест всю вашу еду и отберет вашу работу, а потом “съест” и вас самих».

Еще одним важным моментом трансформации образа Чужого на постсоветском пространстве является тот факт, что Чужим становится не только бывший Свой, но и пространственно, государственно, исторически и системно Свой, в силу геополитических или конфессиональных обстоятельств превращаемый в Чужого. Конечно, в ряде случаев – это часть общецивилизационных процессов, например исламофобии [17]. Но если для США и Европы мусульмане не являлись исторически Своими, то, как для царской России, так для СССР и постсоветской России, они всегда были частью внутреннего культурного ландшафта. Что же касается превращения в Чужих «лиц кавказской национальности», то это уже процессы, происходящие преимущественно в постсоветской России и несущие на себе яркую печать демонизации Чужого [16]. Очень хорошо этапы и механизмы процессов смены различных фобий (кавказофобия, мигрантофобия) и формирование стереотипов восприятия в постсоветской России описаны в работе В.И. Дятлова [7].

Итак, на постсоветском пространстве происходят сдвиги на шкале «Свой – Чужой – Монстр». Во-первых, изменяется характер кливажа, с идеологического, разделяющего мир на тех, кто придерживается общих идеологических установок – Своих (пролетариев, коммунистов, сочувствующих), и не разделяющих их – Чужих – Врагов – Монстров (буржуазия, диссиденты, агрессоры), на культурный. Диспозиция «Свой – Не-Свой» становится гораздо сложнее. С одной стороны, Свой – это представитель одной культуры, единого этноса, общей системы вероисповедания. С другой стороны, как показывают данные социологических исследований, проведенных в 2010–2013 гг. в Астраханском госуниверситете, Своими воспринимаются представители различных этносов и конфессий, имеющие общую региональную идентичность – астраханец, а Чужими – «пришлые», неастраханцы – иностранцы и кавказские мигранты последнего поколения. Причем Чужими их воспринимают не только респонденты-христиане, но и представители местных мусульманских этносов (татары, казахи).

Во-вторых, уменьшается объем понятия Свой. Те, кто раньше были безоговорочно Своими (представители бывших союзных республик и Кавказа) перемещаются по шкале, увеличивая разнообразие Чужих.

В-третьих, на постсоветском пространстве бывшие Свои не просто превращаются в Чужих, а их образы дегуманизируются и в отдельных случаях демонизируются. При описании образа мигранта используется как милитарные метафоры, так и достаточно уничижительные эпитеты, и это несмотря на то, что некоторые российские ученые считают отношение к мигрантам в настоящее время изменившимися в лучшую сторону [6]. Правда, не все российские исследователи согласны с таким позитивным прогнозом [15]. Еще более обеспокоены представители научного мира постсоветского пространства. Они считают, что мигранты из стран СНГ по-прежнему находятся в зоне повышенной нетерпимости [10; 23].

В-четвертых, на постсоветском пространстве образ Чужого превращается в объект дискуссии. До сих пор дискуссионным остался вопрос относительно места Чужого в социуме. На данном этапе нет единой позиции относительно того, является ли оппозиция Свой – Чужой фактором становления демократии и гражданского общества, заложена ли в ней возможность диалога. Так, российский философ и культуролог А.Я. Маршак считает, что «эмпирический анализ действительности показывает, что диалог сам по себе не является конструктивной возможностью для успешного решения задачи сотрудничества и выработки толерантных идей общественного раз-

вития» [13]. Ведь интересы Своих и Чужих могут быть как «общими и похожими, так и весьма различными и конфликтными» [8].

С нашей точки зрения дискусионность данной проблемы является весьма обнадеживающим фактором. Дискуссия, предполагающая диалог, позволяет посмотреть нам на образ Чужого не как на константу, а как на динамично меняющийся феномен. Оношение к чужому на определенном этапе общественного развития становится показателем зрелости гражданского общества.

Список литературы

1. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М., 2001.
2. В Петербурге вышла брошюра «Справочник трудового мигранта». – Режим доступа: http://elport.ru/articles/spravochnik_trudovogo_migranta_priezjayuschim_v_sankt-peterburg, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Веснина Л. Е. Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ / Л. Е. Веснина // Лингвокультурология. – 2009. – № 3. – С. 27–34.
4. Глазами иностранцев 1917–1932 / вступит. слово К. Радека ; предисл. М. Живова. – М., 1932.
5. Гусев Алексей. Гастарбайтер. История вопроса. – Режим доступа: <http://seance.ru/n/43-44/noviyu-geroy-gastarbayter/gastarbayter-istoriya-voprosa/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Денисенко Е. Чужая родня / Е. Денисенко. – Режим доступа: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3102:2012-03-09-07-24-29&catid=32:2010-08-29-08-14-07&itemid=1, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Дятлов В. И. Трансграничные мигранты в современной России: динамика формирования стереотипов / В. И. Дятлов // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – 2010. – № 3. – С. 121–149.
8. Ионин Л. Г. Восстание меньшинств / Л. Г. Ионин. – М. – СПб : Университетская книга, 2013. – С. 117.
9. Лотман Ю. М. Понятие границы / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров. – СПб : Семиосфера, 2000. – С. 257.
10. Мамыркинов М. А. Моя неласковая Русь (О проблеме защиты прав Кыргызстанских трудовых мигрантов от проявлений ксенофобии и мигрантофобии в России) / М. А. Мамыркинов // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2014. – Т. 14, № 1.
11. Маркедонов С. Прощание с «постсоветским пространством»? – Режим доступа: <http://omiliya.org/article/proshchanie-s-postsovetskim-prostranstvom-sergey-markedonov>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.02.2016).
12. Марченя П. П. Международный круглый стол: «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» / П. П. Марченя, С. Ю. Разин // Новый исторический вестник. – 2013. – № 37. – С. 145.
13. Маршак А. Л. Социокультурная аутентичность как мировоззренческая основа модификации дихотомии «Свой – Чужой» / А. Л. Маршак // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. – 2015. – № 2 (49). – С. 112–117.
14. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа Другого / Чужого в политике / Е. В. Морозова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10, № 6. – С. 121–128.
15. Мукомель В. И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия / В. И. Мукомель // Мир России. – 2014. – № 1. – С. 137–166.
16. Муртузалиев С. М. «Лицо кавказской национальности» через призму российских СМИ / С. М. Муртузалиев // Региональные аспекты социальной политики. – 2011. – № 13. – С. 120–127.
17. Навицкайте Э. А. «Чужой-мусульманин» – образ врага в медиадискурсе / Э. А. Навицкайте // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации. – М., 2015. – С. 255–260.
18. Празиускас А. СНГ как постколониальное пространство / А. Празиускас // Независимая газета. – 1992. – 7 февраля.
19. Романова А. П. Чужой и культурная безопасность / А. П. Романова, С. Н. Якушенко, Е. В. Хлыщева, М. С. Топчиев. – М. : РОССПЭН, 2013. – С. 8.
20. Романтика революции. – Режим доступа: <http://sahallin.livejournal.com/42970.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

21. Стихи поэтов XIX–XX веков. – Режим доступа: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/bedniy487.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
22. Тофан А. В. Методологические подходы к понятию «постсоветское пространство» / А. В. Тофан // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. – 2015. – Т. 15, № 5. – С. 44.
23. Ульмасов Р. У. Таджикистан и Россия: игра в миграционном поле / Р. У. Ульмасов // Горизонты экономики. – 2015. – № 2 (21). – С. 27–34.
24. Шерман Е. М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного / Е. М. Шерман // Современная Россия и мир: альтернативы развития. (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия). Сер. «Дневник Алтайской школы политических исследований» / под ред. Ю.Г. Чернышова. – 2014. – № 30. – С. 41–45.
25. Mankoff J. Russia, the Post-Soviet Space and Challenges to U.S. Policy / J. Mankoff // The Policy World Meets Academia: Designing U.S. Policy toward Russia. – Cambridge : by American Academy of Arts and Sciences Publ., 02138, 2010.

References

1. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya? Oshibki globalizma – otvety na globalizatsiyu* [What is globalization? Errors of Globalism – the answers to globalization]. Moscow, 2001.
2. *V Peterburge vyshla broshyura “Spravochnik trudovogo migrant”* [In St. Petersburg, went brochure “migrant worker Directory”]. Available at: http://elport.ru/articles/spravochnik_trudovogo_migranta_priezjayuschim_v_sankt-peterburg.
3. Vesnina L. E. Militarnaya metafora, predstavlyayushchaya obraz migranta v otechestvennykh SMI [Militarnaya metaphor, representing the image of migrants in the local media]. *Lingvokulturologiya* [Lingvokulturology], 2009, no. 3, pp. 27–34.
4. Radek K., Zhivov M. *Glazami inostrantsev 1917–1932* [Through the eyes of foreigners 1917–1932]. Moscow, 1932.
5. Gusev A. *Gastarbayer. Istoriya voprosa* [Gastarbeiter. Case history]. Available at: <http://seance.ru/n/43-44/novyyiy-geroy-gastarbayer/gastarbayer-istoriya-voprosa/>.
6. Denisenko E. *Chuzhaya rodnya* [Someone Else's kin]. Available at: http://russkg.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3102:2012-03-09-07-24-29&catid=32:2010-08-29-08-14-07&itemid=1
7. Dyatlov V. I. Transgranichnye migranty v sovremennoy Rossii: dinamika formirovaniya stereotipov [Cross-border migrants in modern Russia: the dynamics of the formation of stereotypes]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz* [Politia. Analysis. Chronicle. Forecast], 2010, no. 3, pp. 121–149.
8. Ionin L. G. *Vosstanie menshinstv* [Minorities Uprising]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2013, p. 117.
9. Lotman Yu. M. Ponyatie granitsy [The concept of border]. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside minded worlds]. St. Petersburg, Semiosfera Publ., 2000, p. 257.
10. Mamyrganov M. A. Moya nelaskovaya Rus (O probleme zashchity prav Kyrgyzstanskikh trudovykh migrantov ot proyavleniy ksenofobii i migrantofobii v Rossii) [My unkind Russia (On the problem of protecting the rights of Kyrgyz labor migrants from xenophobia and migrant in Russia)]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2014, vol. 14, no. 1.
11. Markedonov S. *Proshchanie s “postsovetskim prostranstvom”?* [Farewell to the “post-Soviet space”?]. Available at: <http://omiliya.org/article/proshchanie-s-postsovetskim-prostranstvom-sergey-markedonov> (Accessed: 03.02.2016).
12. Marchenya P. P., Razin S.Yu. Mezhdunarodnyy kruglyy stol “Rossiya i postsovetskoe prostranstvo: problemy i perspektivy” [International Round Table: “Russia and the post-Soviet space: problems and prospects”]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [The New Historical Bulletin], 2013, no. 37, p. 145.
13. Marshak A. L. Sotsiokulturnaya autentichnost kak mirovozzrencheskaya osnova modifikatsii dikhotomii “Svoy – Chuzhoj” [The socio-cultural authenticity as the ideological basis for the modification of dichotomy “Own – Alien”]. *POISK. Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kultura* [POISK. Policy. Social Science. Art. Sociology. Culture], 2015, no. 2 (49), pp. 112–117.
14. Morozova E. V. Degumanizatsiya kak tekhnologiya formirovaniya obraza Drugogo / Chuzhogo v politike [Dehumanization as a technology of forming the image of the Other / Outsider in Politics]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Srednerusskiy Bulletin of Social Sciences], 2015, vol. 10, no. 6, pp. 121–128.

15. Mukomel V. I. Ksenofobiya i migrantofobii v kontekste kultury doveriya [Xenophobia and migrant in the context of a culture of trust]. *Mir Rossii* [World of Russia], 2014, no. 1, pp. 137–166.
16. Murtuzaliev S. M. “Litso kavkazskoy natsionalnosti” cherez prizmu rossiyskikh SMI [“Person of Caucasian nationality” through the prism of Russian media]. *Regionalnye aspekty sotsialnoy politiki* [Regional aspects of social policy], 2011, no. 13, pp. 120–127.
17. Navitskayte E. A. “Chuzhoy-musulmanin” – obraz vraga v mediadiskurse [“Alien-Muslim” – the image of the enemy in the media discourse]. *Mirovoe kulturno-yazykovoje i politicheskoe prostranstvo: innovatsii v kommunikatsii* [World cultural and linguistic and political space: innovation in communications]. Moscow, 2015, pp. 255–260.
18. Prazauskas A. SNG kak postkolonialnoje prostranstvo [CIS as a post-colonial space]. *Nezavisimaya gazeta* [Nezavisimaya Gazeta], 1992, 7 February.
19. Romanova A. P. Yakushenkov S. N., Khlyshcheva E. V., Topchiev M. S. *Chuzhoy i kulturnaya bezopasnost* [Alien and cultural security]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, p. 8.
20. *Romantika revolyutsii* [Romantic Revolution]. Available at: <http://sahallin.livejournal.com/42970.html>.
21. *Stikhi poetov XIX–XX vekov* [Poetry poets XIX–XX centuries]. Available at: <http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/bedniy487.html>.
22. Tofan A. V. Metodologicheskie podkhody k ponyatiyu “postsovetskoe prostranstvo” [Methodological approaches to the concept of “post-Soviet space”]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo slavyanskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2015, vol. 15, no. 5, pp. 44.
23. Ulmasov R. U. Tadjikistan i Rossiya: igra v migratsionnom pole [Tajikistan and Russia: the game in the migration field]. *Gorizonty ekonomiki* [Horizons economy], 2015, no. 2 (21), pp. 27–34.
24. Sherman E. M. Obraz “chuzhogo”: portret migrantov v SMI i arkhetypy kollektivnogo bessoznatelnogo [The image of the “foreign”: portrait of migrants in the media and the archetypes of the collective unconscious]. *Sovremennaya Rossiya i mir: alternativy razvitiya (Transgranichnye migranty i obshchestvo strany prebyvaniya: vzaimnoe vospriyatie i problemy mezhkulturnogo vzaimodeystviya)*. Ser. “Dnevnik Altayskoy shkoly politicheskikh issledovaniy” [Modern Russia and the world: the development of alternatives. (Cross-border migrants and the host society: mutual recognition and intercultural issues). Series “Diary of the Altai School of Political Studies”]. Ed. by Yu. G. Chernyshova. 2014, no. 30, pp. 41–45.
25. Mankoff J. Russia, the Post-Soviet Space and Challenges to U.S. Policy. *The Policy World Meets Academia: Designing U.S. Policy toward Russia*. Cambridge, American Academy of Arts and Sciences Publ., 02138, 2010.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАНЕ ПУШКИНА И ШАНСОНА¹

Якушенко Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: shuilong@mail.ru

Статья посвящена анализу такого нового направления в современных социальных науках как «духовная безопасность». На основе ряда факторов мы показываем о невозможности четкого определения как объекта, так и предмета исследования. В качестве аргументов называется невозможность дать дефиницию такому понятию, как «духовное», и отсутствие согласованного определения понятия «культура», насчитывающее более тысячи различных толкований. Еще одной сложностью становления этого направления мы считаем отсутствие четкой методологической базы, позволившей объективно проанализировать обозначенную проблему. Основываясь на подходах таких видных антропологов, как Л. Уайт и М. Салинс, настаивавших на динамичном характере культуры, её постоянном развитии, мы считаем, что это свойство культуры несовместимо с какой-либо консервацией или привязкой к

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии» (This article was written with the support of RHF grant 15-33-11172a (c) “Cultural security conditions heterotopias”).